Переводы

Донателла делла Порта

Местный консерватизм или общественные движения? Как объяснять протестные кампании

Протестные кампании против широкомасштабных общественных проектов обычно возникают в местном контексте. Агрегация нужд и интересов на определенной территории — феномен не новый, однако в 1990-е мы наблюдаем растущий аналитический интерес к новым формам протеста, которые понимаются как ограниченные и локализованные. Замечено, что защитники качества жизни на определенной территории, как правило, выступают против проектов, рассматривая их как наносящие вред экологическому равновесию (например, мусоросжигательные заводы) или общественной безопасности (миграция нежелательных социальных групп). Локализованные конфликты вызывают большую озабоченность, учитывая, что оба вида протестов против локально нежелательного землепользования (LULU protests) в последние годы становятся более многочисленными [Della Porta, 2004].

---

1 Делла Порта Донателла — профессор социологии отделений политических и социальных наук European University Institut. Научные интересы: социальные движения, политическое насилие, терроризм, коррупция, полиция и политика общественного порядка.

2 Термин nimbyism, использованный в оригинале, представляет собой акроним выражения Not in my back yard («только не на моем дворе») и используется для пейоративной оценки позиции жителей определенной территории, выступающих против общественно значимых инфраструктурных изменений рядом с их местом жительства, например, строительства мостов, аэропортов и т. п. — *Ред.*

3 Перевод выполнен по: *Donatella Della Porta.* Voices of the Valley, Voices of the Straits. How Protest Creates Communities. Berghahn Books, 2008. Это фрагмент первый главы исследования, посвященного анализу протестных движений в Валь-ди-Сузе и Мессинском проливе, направленных против строительства линии скоростных поездов и моста.

Локальное измерение

Обычно в работах по социологии (и текстах более общего характера) предполагается, что местные конфликты мотивированы синдромом «только не на моем дворе», который ассоциируется с консервативным поведением и эгоцентричным сопротивлением общественным изменениям. В анализе государственной политики местное сопротивление зачастую рассматривается в связи с «проблемой безбилетника»: отказом платить необходимую цену за пользование общественными благами. Комитеты граждан, мобилизовавшихся против широкомасштабных общественных проектов, определяются как «специфические организационные формы, сопутствующие синдрому „Только не на моем дворе“» [Bobbio, 1999, p. 196] и характеризуются «ограниченной природой требований… так как борются не за „великие дела“, а защищают определенный материальный интерес» [Buso, 1996, p. 197]. Исходя из степени реальной или предполагаемой угрозы на конкретной территории, эти протесты нередко преуспевают в мобилизации жителей, апеллируя к сильному чувству несправедливости и страхам перед материальной опасностью. Прежде всего, такие протесты способны получить поддержку местных политиков, которые (опасаясь потерять электоральную поддержку) обещают «удалить общественное зло, поднимая тем самым трудный вопрос, на какой территории его локализовать» [Della Porta, 2004a, p. 11]. Исходя из указанных наблюдений, в исследованиях местного сопротивления широкомасштабным общественным проектам предлагается изменить процедуру принятия решений и привлекать жителей к реализации значительных по своим последствиям проектов на их территории. Задача заключается в том, чтобы преодолеть синдром, «почему именно здесь?» [Bobbio, Zeppetella, 1999], не только повышая прозрачность общественных проектов, но и разрабатывая критерии локально нежелательного землепользования, которые если и не достигнут согласованного результата, то хотя бы легитимируют процесс через процедуры согласования[1].

В нашем исследовании термин «только не на моей земле» зачастую фигурирует в качестве обвинения участников протестов против скоростных поездов TAV и строительства моста через Мессинский пролив. Если гражданские комитеты и активисты с гордостью подчеркивают свою принадлежность к территории, сторонники широкомасштабных общественных работ стигматизируют их местечковый эгоизм, претендуя на представительство прогресса ради

1 Линдблом [Lindblom, 1980, p. 123] наряду с другими исследователями определяет приемлемый процесс как «тот, в котором граждане выбирают сами для себя, и неважно, насколько глупо они это делают».

многих, а не меньшинства. Подобную линию аргументации представляет Мерседес Брессо, президент регионального правительства Пьемонта левоцентристских взглядов. Она говорит о «важности преодоления синдрома „только не на моем дворе“, который заведет нас в никуда» [La Repubblica. 20.11.05]. Другой пример — бывший министр охраны окружающей среды, правый центрист Альтеро Маттиони, обличающий «эгоизм инструментализированного протеста» [La Repubblica. 4.11.05]. Не так давно секретарь Партии демократических левых сил Пьеро Фассино в Валь-ди-Суза заявил: «Мы должны обратиться к проблеме, возникающей не только в Италии, но и в любой стране каждый раз, когда предлагаются широкомасштабные общественные проекты, будь то электростанция, мусоросжигательный завод или скоростной поезд. Недоверие и отрицание встречаются все чаще: постройте это где угодно, но не на моем дворе. Столкнувшись с подобной реакций, мы должны избегать двух ошибок: быть парализованным страхами и рисками, заложенными в проект (в том числе прежде, чем риски подтвердились), и делать вид, будто страхи и сомнения не достойны рассмотрения. В таких ситуациях мы не должны реагировать идеологически... скоростной поезд TAV не является главным символом Империалистического Мультинационального Государства, как многие полагают. Это проект, необходимый для экономического и общественного развития нашей страны и Европы» [La Repubblica. 14.2.06].

Обвинения в местном консерватизме, как мы видим на этом примере, зачастую соединяют эгоизм и идеологическую реакцию, крайнюю рациональность и невразумительные страхи. Подобную интерпретация синдрома «только не на моем дворе» оспаривают как активисты, так и социологи, считающие, что «дискурс синдрома „только не на моем дворе“ представляет позицию жителей как нелегитимную» [Jobert, 1998, p. 73]. В действительности эмпирические исследования местного сопротивления обнаруживают сложную реальность, в которой гражданские комитеты демонстрируют различные способности и желание разместить частные требования внутри более сложной структуры [Della Porta, 2004a, p. 19]. Как показало исследование ряда итальянских городов, подобные требования имеют тенденцию сопрягаться с проблематикой защиты качества жизни, художественного или природного наследия, здоровья или социальной интеграции [Sebastiani, 2001; Andretta, 2004]. Из 89 гражданских комитетов, исследованных в шести итальянских городах, лишь четверть (26,2%) использовала для мобилизации дискурс «только не на моем дворе» (например, отдельные вопросы на ограниченной территории), тогда как остальные стремились расширить территориальный и тематический ряд своих требований [Della Porta, 2004a, p. 22].

Общественные движения и энвайроментализм

В отличие от прочтения ситуации через дискурс «только не на моей земле» социологи общественных движений нередко интерпретируют локальный конфликт как выражение различных типов движений [Della Porta, 2003b]. В дискурсе протестующих защита местной фауны сочетается с более общей проблематикой защиты природных ресурсов. С этой точки зрения локальные конфликты могут интерпретироваться как развитие экологического движения, характеризующегося ростом (в количестве, ресурсах и легитимности) экологических организаций, повышением экологической сознательности в общественном мнении (хотя и сосредоточенной на специфических темах), а также расширением активных действий за пределы традиционных организационных сетей или энвайроменталистских дискурсов [Della Porta, Diani, 2004]. Хотя итальянские организации по защите окружающей среды слабы с точки зрения экономических ресурсов и политической влиятельности (по сравнению с другими европейскими странами), их численность и общественная поддержка увеличиваются. В процессе усиления институционализации они меньше вовлекались в зрелищные формы протеста, уделяя больше внимания информирующей и образовательной деятельности, а также предоставляя различные виды услуг. Когда энвайроментализм обрел ценность, действия по охране окружающей среды стали более конвенциональными и, следовательно, менее заметными в публичной сфере.

В отличие от 1970-х и 1980-х годов основную роль в мобилизации протеста сегодня играют гражданские комитеты — организованные, но слабо структурированные группы граждан, объединенные на территориальной основе и использующие протестные формы для противостояния вторжениям, ухудшающим качество жизни, которое комитеты хотели бы повысить [Della Porta, 2004a, p. 7]. Локальные протесты меняют образ инвайронментализма. На смену «постматериалистической» проблематике «новой буржуазии» с высоким уровнем образования приходят требования непривилегированных групп, живущих прежде всего на пришедших в упадок территориях, где зачастую строятся предприятия, интенсивно воздействующие на окружающую среду (в том числе мусоросжигательные заводы). В подобных конфликтах обычно участвуют природоохранные ассоциации, хотя зачастую у них складываются сложные отношения с организациями, построенными по территориальному принципу [della Porta, Rucht, 2002]. В ходе серии протестов против строительства новых аэропортов [Rucht 1984; Griggs, Howarth, 2002] или военных объектов эти акторы взаимодействовали и влияли друг на друга.

Протесты в Валь-ди-Сузе и Мессинском проливе характеризуются мощным экологическим измерением. В обоих случаях налицо со-

противление общественным работам, которые воспринимаются как нарушающие экологический баланс на хрупкой территории, будь то горные долины или прибрежная полоса. В каждом исследованном конфликте проблема (скоростные поезда или мост) определяется в терминах угрозы окружающей среде; мы отмечаем участие крупнейших экологических ассоциаций (от Всемирного фонда дикой природы до «Лигамбьенте»[1]) и формирование гражданских комитетов, активно работающих в локальных сообществах и общинах. Несмотря на частое использование различных стратегий и некоторые противоречия, экологические ассоциации и гражданские комитеты в протестных кампаниях сотрудничали. И хотя акцент делался на защите окружающей среды и здоровья жителей, протесты в Вальди-Сузе и в проливах нельзя определить как сугубо экологические.

В обеих кампаниях мы видим отражение недавних изменений в концепции экологической борьбы. В конце 1990-х и начале нового тысячелетия экологические ассоциации выработали более сложную критику модели развития, связывающую защиту окружающей среды с требованиями глобальной справедливости [Rootes, 2005]. В случае гражданских комитетов комментаторы отмечают их «гибридный характер, сочетающий черты групп интересов и движений, колеблющийся между лоббированием и общественным участием» [Sebastiani, 2001, p. 111]. Исследовательский проект, осуществленный во Франции, пришел к заключению, что «эти движения родились из конфликта и адаптируются к его ритму. Разрешение конфликта может перевести их в спящее состояние или вызвать альтернативную диверсификацию интересов» [Lascomes, 1994, p. 235]. Местные случаи мобилизации также являются пространством активной реализации гражданства; их «горизонт [ожиданий и требований] не всегда носит частный характер» [Bobbio, 1999, p. 198], они апеллируют к универсальным ценностям [Williams, Matheny, 1995, p. 183], защищая качество жизни в своих сообществах [Gould et al., 1996, p. 4]. В двух наших случаях взаимодействие внутри сложной системы акторов привело к концептуализации различных моделей развития, определенных в терминах «экологической справедливости» как комбинации внимания к окружающей среде, озабоченности этической, социальной и гендерной дискриминацией [Schlosberg, 2002], отрицательным ростом[2] (или «трезвым будущим», как говорится в листовке) и устойчивым развитием.

1 Крупнейшая природоохранная организация Италии. — *Ред.*

2 Термин ungrowth отсылает к концепции, согласно которой глобальный экономический рост, не реализующий возможности устойчивого развития, вредит окружающей среде. — *Ред.*

Таким образом, указанные кампании могут рассматриваться в свете исследований «машин роста», т. е. формальных и неформальных сетей, объединяющих общественный и частный секторы и ориентированных на увеличение инвестиций в экономический рост [Lagan, Molotch, 1987; Stone, 1993, p. 3]. И в США, и в Европе кризис государства всеобщего благосостояния обострил территориальную конкуренцию за экономические ресурсы, в первую очередь за частные источники финансирования [Thomas, Savitch, 1991, p. 7]. Политики на выборных должностях (в поисках электоральной поддержки), местные предприниматели (стараясь увеличить прибыль) и чиновники (стремясь повысить свою автономию) объединяются, чтобы привлечь экономические инвестиции на определенную территорию [Elkin, 1987, p. 36]. Эти коалиции, как правило, контролируются бизнес-элитами в союзе с владельцами домов и земель, банкирами, местными СМИ и профессионалами. Их часто поддерживают университеты и культурные ассоциации, местные политики, заинтересованные в экономической конкурентоспособности управляемой территории [Le Gales, 2003]. В числе тех, кто мобилизуется против этих сетей, мы видим добровольческие ассоциации, противостоящие уменьшению объема средств, направляемых маргинальным социальным группам, а также объединения жителей, которые ощущают вред от проектов городского развития и предлагают альтернативные модели [Levine, 1989].

Одно из обвинений, предъявляемых машинам роста, состоит в том, что они рассматривают экономический рост как основную цель, которой должны быть подчинены интересы окружающей среды. Против подобного взгляда на развитие, неотъемлемого для машин роста, местные объединения утверждают свое право противостоять проектам, которые вредят качеству жизни. В этой связи стоит подчеркнуть, что разнообразие интересов внутри сообщества затрудняет мобилизацию как во имя «ценности использования» территории, так и против экономических интересов, подчеркивающих «ценность обмена». Сравнительное исследование локальных конфликтов в США выявило, что в целом «граждане рабочие обнаруживают, что выключены из процесса, обойдены другими участниками и не имеют возможности легитимировать свои требования» [Gould et al., 1996, p. 164].

В двух исследованных кампаниях мы наблюдаем, что различные социальные группы и политические организации, противостоящие широкомасштабным общественным работам, вырабатывают (хотя и с разной скоростью) дискурс моделей альтернативного развития, включающий не только защиту окружающей среды, но и содействие работе, здравоохранению, справедливости и демократическому участию. Как говорится в листовке, центральным

для мобилизации является «вопрос демократии и справедливости в нашей стране». Коалиция за альтернативное развитие подобного рода постепенно растет, вовлекая новых акторов и развивая новые дискурсы.

С этой точки зрения мы увидим, что возможность мобилизации связана с расширением протестного дискурса за пределы проблематики защиты окружающей среды, через преодоление локального контекста и подсоединение к более глобальным конфликтам. Однако, кроме того, мы увидим, что мобилизация вне локальных интересов требует особых условий, которые трудно долгое время поддерживать. Лишь изредка национальные СМИ обращают внимание на протест, фокусируясь на его наиболее радикальных формах, а политический процесс открывает новые возможности [Della Porta, Andretta, 2002]. Политизация, которая начинается при переключении с локального на национальный (или даже глобальный) уровень не приветствуется местными участниками. Поддержание высокого уровня мобилизации и общественного внимания возможно только когда местные активисты способны связать свои требования с национальными и транснациональными волнами протеста, но их собственная способность к мобилизации также подвержена влиянию неизбежных спадов и подъемов более общих мобилизационных циклов. Перемена уровней целей и союзников, как мы увидим, ставят протестующих перед трудными дилеммами.

Ресурсы и мобилизация

Неудовлетворенность может являться мотивом протеста, но ее одной для мобилизации недостаточно. Социологи общественных движений выявили, что для коллективной мобилизации нужны различные типы ресурсов. Во-первых, протест требует социального капитала, а именно плотной сети связей, которые способствуют взаимному доверию участников [Della Porta, Diani, 2006, главы 5 и 6]. Организаторы протестных кампаний должны инвестировать время и деньги, чтобы убедить тех, кто робеет перед необходимостью объединяться или не привык к формам коллективных действий. Чтобы эффективно протестовать, они также должны знать, как действовать, способствуя солидарности участников, привлекая общественное внимание и оказывая давление на власти. И в Вальди-Сузе, и в Мессинском проливе успех протестных кампаний был связан со способностью вовлекать различных акторов. Мэры и ассоциации по защите окружающей среды, студенческие организации и центры социальной поддержки, религиозные сообщества и военные объединения организуются в сеть, которая в ходе протеста расширяется, охватывая различные поколения, социальные классы

и идеологические позиции. Подобная пестрота объединений отчасти повторяет ситуацию с кампаниями по защите окружающей среды, направленными против сооружения шоссе и новых электромагистралей в Валь-ди-Сузе; против транспортировки тяжелых грузов в населенных районах Мессинского пролива. Отчасти она конструируется в ходе протеста через встречи и взаимное обогащение групп, работающих с различными проблемами (от трудовых вопросов до контркультурной тематики), распространяясь за пределы сообществ. В обоих примерах возникают особые структуры координации, гибкие и сетевые, наряду с ценностями, подчеркивающими важность плюралистической мобилизации и терпимости к различиям [Della Porta, 2005a, b].

С точки зрения теории мобилизации ресурсов предполагается, что ресурсы уже имеются. Но в нашем исследовании мы акцентируем внимание на том, как протест создает дополнительные ресурсы. Как мы увидим, значение протеста конструируется и реконструируется через когнитивные конфликты по поводу представления о том, что стоит на кону. Коллективная мобилизация связана с фреймами интерпретации, которые фокусируются на роли индивидов в обнаружении, восприятии, идентификации и классификации (labelling) событий, происходящих в их жизни и мире, придавая смысл их действиям [Snow et al., 1986, p. 464]. Фреймы позволяют приписывать значимость отдаленным феноменам, конструировать значения, изобретать новые формы регуляции взаимоотношений между группами и находить новые пути консенсуса [Della Porta, Diani, 2006, chap. 3].

Особо значимым элементом символического конструирования конфликта является идентичность соперников [Hunt et al., 1994]. Исследования территориальных конфликтов выявили важность попыток преодолеть стигматизирующие последствия синдрома «только не на моем дворе». Чтобы остановить строительство новых электростанций, аэропортов, мусоросжигательных заводов или тюрем, местные группы пытаются избавиться от ярлыка местного консерватизма [Gordon, Jasper 1996, p. 159]. Местные сообщества, противостоящие нежелательному использованию территории, развивают риторику, дистанцирующую их от обвинений в партикуляризме, переключаясь с локального на более глобальный дискурс. Столкнувшись с обвинениями в том, что протест идет ради частных интересов (а не общего блага), они развивают дискурс «только не на планете Земля»[1] [Trom, 1999]. Зачастую они прибегают к риторическому определению протеста, защищая собственную деятельность как

1 В оригинале данный дискурс свертывается в акроним NOPE, т. е. Not on Planet Earth. — *Ред*

противостояние злоупотреблению властью, недостатку прозрачности в публичном принятии решений, а также сговору между властями и предпринимателями. Так, в процитированной выше листовке говорится—то, что «определяется как частный интерес.., есть на самом деле выражение суверенитета населения, живущего на данной территории» и упоминается «единая борьба от севера до юга»[1].

Символическое конструирование имеет не только инструментальное измерение, но отражает природу конфликта. По замечанию Гамсона [1988, p. 219], индивиды действуют на основе системы значений, при этом определения тем, акторов и событий служат постоянным источником конфликта. Действительно, те, кто способствуют широкомасштабным общественным проектам, обычно стараются убедить жителей принять парадигму «ценности обмена», обещая работу и деньги, и обвиняют тех, кто противостоит подобным проектам, в желании разрушить местную экономику [Gould et al., 1996, p. 57, 115]. Чтобы преуспеть в мобилизации, протестующим акторам необходимо создать общую концепцию сообщества, а также распространить среди жителей убеждение, что сопротивление может рассчитывать на успех. («Скоростной поезд можно остановить», говорится на баннере в Валь-ди-Сузе). И в Валь-ди-Сузе, и в проливе Мессины символическое конструирование идентичности сообщества переплетается с определением интереса, объединяющего различные группы населения, и который постепенно все меньше определялся в материальных терминах. Символическая схватка между сторонниками и противниками общественных проектов вовлекает этическое измерение и обращается к понятию общественного интереса.

Для понимания эволюции указанных протестных кампаний важна и другая историческая и экологическая характеристика: движения являются «сетями сетей», где каждый узел связан с другими через множество индивидуальных и групповых принадлежностей. Частично по этой причине протест в некоторых пунктах усиливается, связывая разные типы и формы конфликта. В настоящем исследовании мы концентрируемся на трансформации локальных конфликтов в глобальные протесты. Социология общественных движений акцентирует внимание на конструировании социальных проблем и коллективных идентичностей (в протестном цикле), которые связывают интерпретативные фреймы движений прошлого и настоящего. В двух наших случаях конфликты по поводу скоростных поездов и моста переплетаются с другими конфликтами

1 Per il gemellaggio NO TAV — NO PONTE. Coordinamento No Ponte — Rete Meridionale del Nuovo Municipio. Reggio Calabria, 29 December 2005. URL: www.retenoponte.org

и получают импульс к глобализации снизу [Della Porta et al., 2006]. В ходе этого процесса не только спектр сторонников расширяется за пределы конкретной долины и пролива, но сама система референций становится все более глобальной. Как утверждается в листовке, отрицание широкомасштабных общественных проектов связано с альтернативным взглядом на политику на глобальном уровне, отражая «убеждения тех, кто хочет снизить скорость, кто начал замечать на планете сигналы о кризисе»[1].

Анализ динамики коллективных действий означает выход за пределы простого причинно-следственного анализа ради рассмотрения более сложной динамики. Поскольку некоторые политические предпосылки и коллективные ресурсы влияют на характеристики протеста, мы сосредоточимся на задействованных в протесте механизмах, подчеркивая динамический характер протестных кампаний [Della Porta, Mosca, 2007]. Мы реконструируем эволюцию двух кампаний, рассматривая то, как события протестных кампаний способны разрушить или бросить вызов существующим структурам[2]. Мы сконцентрируемся на процессе взаимного обогащения в действии, т. е. трансформации акторов, вовлеченных в протестные сети, которые формируются в ходе мобилизации. Мы рассмотрим, как протестные кампании и структуры сетей создают ситуацию интенсивного взаимодействия между различными индивидами и организациями. С развитием коллективных сетей, прежде всего на пике мобилизации, происходит процесс взаимного обогащения, который усиливается благодаря множественному членству в разнообразных группах, а также интенсивному процессу создания сетей (как формальных, так и неформальных). Это заметно прежде всего в Валь-ди-Сузе, где одновременно с оккупацией площадок в 2005 г. мы видим создание дискурсивных общественных арен, которые способствуют развитию коллективной идентичности, сближению фреймов разных акторов и укреплению доверия [Ibid.]. Эту способность сочетать различные элементы подчеркивают активисты движения «Нет скоростным поездам». Медленному процессу взаимного обогащения благоприятствует интенсификация коммуникации и взаимодействие в ходе мобилизации. В начале, как говорят активисты, «мы держались вместе главным образом потому, что были нужны друг другу. Комитетам нужно было понимать, что происходит, а политики хотели знать, что можно сделать и с кем» [Mar-

1 Per il gemellaggio NO TAV — NO PONTE. Coordinamento No Ponte — Rete Meridionale del Nuovo Municipio. Reggio Calabria, 29 December 2005. URL: www.retenoponte.org

2 Формирующий потенциал некоторых событий описывается как «событийно насыщенная темпоральность» [Sewell, 1996].

gaira, 2005, p. 138]. Однако в процессе совместных действий союзы укрепились через создание общих целей и взаимное доверие. Успех протеста стал возможен «благодаря вкладу каждого, кто проделал колоссальную работу взаимного признания» [Ibid., p. 39].

Наше сравнительное исследование также отражает потенциал и пределы процессов взаимного обогащения в действии. Как мы увидим, интенсивные эмоции усиливают чувство принадлежности к сообществу. Однако их трудно долгое время поддерживать. Память о самых тяжелых моментах конфронтации отражается в мобилизационном нарративе «это словно была лихорадка» [Polletta, 2006], но его может оказаться недостаточно для преодоления идеологических и /или стратегических различий. Множественность акторов в некоторых случаях помогает взаимному пониманию и обоюдному обучению, но в других — она способствует разделению на фракции. Как правило, высокая степень эмоционального вовлечения способна вызывать эффект выгорания и в период упадка движения создание сетей становится затруднительным.

Перевод с английского Марии Туровец под редакцией Ивана Напреенко.

Библиография

1. *Andretta M. L'identità dei comitati tra egoism e bene pubblico // Comitati di cittadini e democrazia urbana/D. Della Porta (ed.). Soveria Mannelli: Rubbertino. 2004.*
2. *Bobbio L. Un processo equo per una localizzazione equa // Perché proprio qui? Grandi opera e opposizioni localo/Bobbio L., Zeppetella A. (eds). Milan: Franco Angeli, 1999.*
3. *Bobbio L., Zeppetella A. (eds.). Perché proprio qui? Grandi opera e opposizioni localo. Milan: Franco Angeli, 1999.*
4. *Buso G. Resistenze e proteste contro le decisioni del governo locale: I comitati spontanei di cittadini // Decidere in Comune, Analisi e riflessioni su centro decisioni comunali/L. Bobbio, F. Ferraresi (eds). Turin: Fondazioni Rosselli, 1996.*
5. *Della Porta D. (a). I new global. Bolognia: Il Mulino, 2003.*
6. *Della Porta D. (ed.). Comitati di cittadini e democrazia urbana. Soveria Mannelli: Rubbertino. 2004.*
7. *Della Porta D (b). Comitati di cittadini e democrazia urbana: una introduzione // Comitati di cittadini e democrazia urbana/D. Della Porta (ed.). Soveria Mannelli: Rubbertino. 2004.*
8. *Della Porta D., Diani M. Movimenti senza protesa? L'ambientalismo in Italia (in collaboration with M. Andretta). Bolognia: Il Mulino, 2004.*
9. *Della Porta D. (a). Multiple Belongings, Tolerant Identities, and the Construction of Another Politics: Between the European Social Forums and the Local Social Fora // Transnational Protest and Global Activism/D. della Porta, S. Tarrow (eds). Lanham: Rowman and Littlefield, 2005.*
10. *Della Porta D. (b). Making the Polis: Social Forums and Democracy in the Global Justice Movements // Mobilization. 2005. № 10 (1). P. 73–94.*

11. *Della Porta D., Diani M. Social Movements: An Intoduction. Oxford: Blackwell, 2006.*
12. *Della Porta D., Mosca L. In movimento. Contamination in Action and the Italian Global Justice Movement // Global Networks: a Journal of Transnational Affairs/2007. № 7 (1). P. 1–28.*
13. *Della Porta D., Rucht D. The Dynamics of Environmental Campaigns // Mobilization. Special Issue «Comparative Environmental Campaigns». 2002. № 7. P. 1–14.*
14. *Elkin S. City and Regime. Chicago: University of Chicago Press, 1987.*
15. *Gamson W. A. Political Discourse and Collective Action // International Journal of Social Movements, Conflicts and Change. 1988. V. 1. P. 219–244.*
16. *Gould K. A., Schnaiberg A., Weinberg A. S. Local Environmental Struggles: Citizen Activism in the Treadmill of Production. Canbridge: Cambridge University Press, 1996.*
17. *Gordon C., Jasper J. M. Overcoming the Nimby Label: Rhetorical and Organizational Links for Local Protestors // Research in Social Movements, Conflict and Change. 1996. V. 19. P. 159–181.*
18. *Griggs S., Howarth D. An Alliance of Interest and Identity? Explaining the Campaign against Manchester Airport's Secind Runway // Mobilization. Special Issue «Comparative Environmental Campaigns». 2002. № 7. P. 43–58.*
19. *Hunt S., Benford R. D., Snow D. A. Identity Fields: Framing Processes and the Social Construction of Movement Identities. // New Social Movements/E. Lara´na, H. Johnston, J. Gusfield (eds). Philadelphia: Temple University Press. 1994.*
20. *Jobert A. L'aménagement en politique- ou ce que syndrome NIBMY nous dit de l'intérêt général // Politix. 1998. № 67–92.*
21. *Lascomes P. L'Eco-pouvoir. Environnments et politiques. Paris: La Découvert, 1994.*
22. *Margaira O. Adesso o mai più. Borgone Susa: Edizioni del Graffio, 2005.*
23. *Le Galès P. Le Retour des villes européennes. Paris: Presses de Sciences, 2003.*
24. *Margaira O. Adesso o mai più. Borgone Susa: Edizioni del Graffio. 2005.*
25. *Polletta F. It Was like a Fever. Chicago: University of Chicago Press. 2006.*
26. *Rootes C. A Limited Transnationalization? The British Environmental Movement // Transnational Protest and Global Activism/D. Della Porta, S. Tarrow (eds). Lanham, Md: Rowman and Littlefield, 2005.*
27. *Rucht T. (ed.). Flughaven Projekte als Politikum. Die Konflikte in Stuttgart, München und Frankfurt. Frankfurt am Main: Campus, 1984.*
28. *Sebastiani C. Comitati di cittadini e spazzi pubblici urbani // Rassegna Italiana di Sociologia. 2001. № 42. P. 77–114.*
29. *Sewell W. H. 1996. Three Temporalities: Toward an Eventful Sociology // The Historic Turn in the Human Science/T. J. McDonald (ed.)/Ann Arbor: University of Michigan Press.*
30. *Snow D. A., Rochford B. E., Worden S., Benford R. Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation // American Sociological Review. 1986. № 51. P. 464–481.*
31. *Thomas J. C., Savitch H. Introduction: Big City Politics, Than and Now // Big City Politics in Transition. Newbury Park, Calif.: SAGE. 1991*
32. *Trom D. De la réfutation de l'effet NIMBY considérée comme une pratique militante. Notes pour une approche pragmatique de l'activité revendicative // Revue francçaise de sciences politique. 1999. № 49. P. 31–50.*
33. *Williams B. A., Matheny A. R. Democracy, Dialogue and Environmental Disputes. The Contested Languages of Social Regulation. New Heaven: Yale University Press, 1995.*